

22–23 февраля 1957 г.

ЦК КПСС.
Отдел культуры

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СОВЕЩАНИЯ ХУДОЖНИКОВ В ЦК КПСС¹¹⁹⁷

<...> Лебедев А.К. <начальник Главизо Министерства культуры СССР>: Товарищи! В исторически короткий срок в нашей стране создана и успешно развивается качественно новая социалистическая многонациональная художественная культура, одна из самых великих во всей мировой истории. Советские художники уже создали немало произведений, которые выражают в высокосвершенных художественных формах коммунистические идеалы. Есть немало полотен, статуй и графических произведений, получивших подлинное всенародное признание и любовь миллионов зрителей.

Большое воспитующее и мобилизующее значение советского искусства на массы неоспоримо. Это не значит, что у нас не было и нет в области изобразительного искусства значительных ошибок и недостатков. Культ личности¹¹⁹⁸, с

¹¹⁹⁷ Совещание в Отделе культуры ЦК КПСС было устроено по предложению Министерства культуры СССР. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 48. Л. 24) за пять дней до открытия Первого всесоюзного съезда советских художников. Присутствовал 141 человек: идеологические секретари ЦК КПСС П.Н. Поспелов, М.А. Суслов и Д.Т. Шепилов, ответственные работники ЦК, секретари обкомов КПСС, министр культуры СССР Н.А. Михайлов, начальники ПУР, Главизо, управлений культуры, руководство Академии художеств СССР и союзных республик, секретари творческих союзов, ректоры художественных вузов страны, редакторы издательств, редакторы центральных газет, журналов, художники, скульпторы, искусствоведы. Совещание вел Д.Т. Шепилов, кроме него выступило 39 человек, среди них: зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС Б.С. Рюриков, начальник Главизо Министерства культуры СССР А.К. Лебедев, председатель МОССХ Ф.С. Богородский, члены президиума АХ СССР А.М. Герасимов, Б.В. Иогансон, М.Г. Манизер, художники С.В. Герасимов, Е.В. Вучетич, В.А. Серов, Е.Ф. Белашова, искусствовед, действительный член АХ СССР М.В. Алпатов и др., причем выступления были весьма неформальны и открыты, чем отличались от сухих докладов, сделанных позже на самом съезде. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 47. Л. 1–185). [См. ниже примеч. 1175].

¹¹⁹⁸ «После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращая её в какого-то свехчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога, – говорил Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев в своем закрытом докладе XX съезду 25 февраля. – Этот человек будто бы всё знает, всё видит, за всех думает, всё может сделать; он непогрешим в своих поступках. Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет». (Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 51). По итогам XX съезда 30 июня 1956 г. ЦК КПСС принял постановление *О преодолении культа личности и его последствий*, в котором были изложены положения доклада Н.С. Хрущева (см. следующее примеч.). В частности, писалось: «Выдвигая вопрос о

которым партия повела борьбу, серьезно мешал развитию искусства и вел к нарушению принципов социалистического реализма. Немало вреда принесла искусству и его развитию теория бесконфликтности. Слабо, а иногда и плохо работали наши художественные организации и учреждения – Главное управление изобразительного искусства, Академия художеств, которые допускали на протяжении ряда лет серьезные ошибки. В порядке критики этих недостатков надо откровенно сказать, что они часто выдавали представителей искусства социалистического реализма за мастеров определенного одного направления в нашем искусстве. Не было необходимого внимания со стороны этих организаций к личности художника, имели место факты администрирования, грубого вмешательства в творческий процесс.

Групповщина в среде художников затормозила работу многих честных и талантливых мастеров, и сейчас изобразительное искусство отстает от запросов народа. Многие стороны нашей действительности слабо отражены в искусстве. Это особенно относится к теме социалистического труда. Рост мастеров-художников никак не может удовлетворить нас. Всё это говорит о том, что у нас совсем нет оснований для какой-либо успокоенности или для зазнайства.

И все же, с чувством большой гордости и счастья мы можем отметить, что наше советское искусство располагает сильным многонациональным коллективом высококвалифицированных художников-реалистов, вдохновленных идеями коммунизма. Если буржуазное формалистическое искусство зашло в полный тупик, то советское искусство подняло и понесло творческую эстафету многих традиций реалистического искусства прошлого, оно целиком отдает себя служению народу. Огромное значение для развития нашего искусства имеют решения XX съезда партии¹¹⁹⁹, решения правительства о новом порядке утверждения...¹²⁰⁰ работников, о строительстве мастерских, выставочных помещений и т.д. Всё это, несомненно, содействует росту нашей художественной культуры.

борьбе с культом личности И.В. Сталина, ЦК КПСС исходил из того, что культ личности противоречит природе социалистического строя, и превращался в тормоз на пути развития советской демократии и продвижения советского общества к коммунизму».

¹¹⁹⁹ XX съезд КПСС – одно из важнейших событий советской истории – состоялся в Москве 14–25 февраля 1956 г. Съезд принял директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 гг., частичные изменения в Уставе партии. На этом съезде СССР официально провозгласил курс на борьбу за предотвращение ядерной войны и мирное сосуществование социализма и капитализма. Но самое главное – XX съезд знаменовал начало десталинизации и невозможность возвращения массового террора. В последний вечер съезда с закрытым докладом ЦК КПСС *О культе личности и его последствиях* выступил Н.С. Хрущев. В своей резолюции съезд одобрил этот доклад и «поручил ЦК КПСС последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни». Было рекомендовано ознакомить с докладом коммунистов, комсомольцев, а также «беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников», текст был разослан руководителям «братских партий» и там размножен, информация о докладе появилась в зарубежной печати уже в марте, а его полный текст – в июне 1956 г.

¹²⁰⁰ Здесь и ниже отточие вне острых скобок – отточие документа.

Однако возникает законное опасение, что, несмотря на самые благоприятные условия развития советского искусства, оно может серьезно затормозиться. Появились симптомы, вызывающие тревогу за дальнейшее успешное развитие искусства. Еще Ленин предупреждал от того, чтобы общественное искусство не пускалось на самотек. Необходимо серьезно выяснить причины, которые могут мешать развитию искусства, и устранить их. Подавляющая масса советских художников прочно и сознательно стоит на позициях социалистического реализма, отчетливо сознавая, что в успешном развитии нашего искусства (*так в тексте. – Сост.*) мы обязаны прежде всего политике Коммунистической партии. Но в последнее время отдельные художники и критики стали выражать желание пересмотра основ партийной и государственной политики в области искусства. Речь идет не о благотворной необходимости критики отдельных серьезных ошибок и недостатков. Нет, приходится говорить о попытках ревизовать наше искусство, приходится говорить о ложных и нездоровых позициях, стремящихся ревизовать весь пройденный советским искусством путь. В этом можно видеть заметное влияние на некоторых представителей нашей художественной интеллигенции современной буржуазной идеологии.

Важнейшим залогом успехов советского искусства является глубокое партийное направление, теснейшая связь наших художников с жизнью и кровными интересами народа, с политикой Коммунистической партии и Советского государства. И вот, вместо того, чтобы призывать наших художников еще больше крепить связь и повседневный контакт с партийными и государственными органами, находятся отдельные товарищи, которые ратуют за освобождение Союза художников от государственного и партийного руководства¹²⁰¹.

¹²⁰¹ Процесс «оттепели» в искусстве происходил медленно и болезненно, о чем свидетельствует записка в ЦК КПСС министра культуры СССР Н.А. Михайлова «О влиянии буржуазной идеологии на художественную интеллигенцию Москвы и Ленинграда», составленная в январе 1957 г.: «Под предлогом борьбы с культом личности имеют место многочисленные случаи выступлений против идейности и партийности советского искусства, против метода социалистического реализма. <...> Многие крупные художники-реалисты, внесшие большой вклад в развитие советской глубоко идейной тематической картины и скульптуры, подвергаются часто оскорбительным выпадам. <...> В состав нового правления Московского союза советских художников в октябре 1956 г. были избраны такие живописцы и искусствоведы, которые в течение многих лет отстаивали формалистические взгляды (О.М. Бескин, Р.Р. Фальк, П.В. Кузнецов, В.В. Рождественский, А.А. Каменский). <...> Ряд художников и критиков открыто выступил и против партийного и государственного руководства искусством. На собрании московских художников в октябре 1956 г. критик В.И. Костин с возмущением сказал: "Неужели нужны еще чиновники, стоящие над творческими союзами!" Этот же критик в ноябре 1956 г. на совещании в Министерстве культуры СССР бросил реплику, смысл которой сводился к требованию – освободить союзы художников от партийного руководства. <...> На собраниях художников Москвы и Ленинграда получили необоснованное, огульное осуждение напечатанные в газете "Правда" и в журнале "Коммунист" статьи П.П. Соколова-Скала, К.А. Ситника и Н.В. Томского, в которых отстаивались принципы идейности и партийности искусства. В то же время ошибочные статьи А.О. Гиневского, А.А. Каменского и И.Э. Грабаря, напечатанные в "Новом мире", "Искусстве" и "Литературной газете", в союзах художников Москвы и Ленинграда были горячо одобрены. Между тем, в этих глубоко порочных статьях, ревизующих принципы реализма, зачеркивались успехи советского искусства, дискредитировались его виднейшие представители – реалисты, превозносились формалисты, возводились в основы творчества принципы буржуазного индивидуализма. <...> Характерно, что подобные политически ошибочные заявления не встречаются на со-

Есть некоторые художники, которые понимают положение так: государство у нас-де отомрет, деятели, руководящие искусством, приходят и уходят¹²⁰², а искусство вечно, как вечен наш народ. Отсюда напрашивается вывод, что художники могут не особенно считаться с государством и его политикой, так как они творят. На собрании художников кандидат в члены Союза Бармин так и призвал художников к отрыву от политики, от государства. "Если верить в коммунизм, – сказал он, – государство – вещь временная, между тем как народ – наиболее вечная категория, и я убежден, что духовное творчество должно принадлежать народу".

На собрании московских художников в октябре 1956 г. некоторые лица высказывали сомнение в целесообразности руководства Союзами художников со стороны государственных и партийных органов¹²⁰³. Некоторые деятели занимают прямой дискредитацией партии¹²⁰⁴. <...>

браниях художников Москвы и Ленинграда надлежащего отпора. Более того, часть аудитории аплодирует им, а некоторые правильные выступления сопровождается свистом, топотом и шумом. <...> На собрании московских художников в октябре 1956 г. коммунист А.И. Писарев сделал, например, такое заявление в адрес работников государственного и партийного аппарата, руководящих союзами художников: "Все эти няньки, как малым ребятам, суют нам в рот разные соски... Сосали мы соску культа личности, помпезности, парадности... Теперь придумывают новую соску, чтобы мы не заорали естественным голосом здорового и полнокровного ребенка". <...> Это вызывает опасения, что Оргкомитет Союза советских художников СССР не сможет обеспечить надлежащую подготовку 1-го Всесоюзного съезда художников, а съезд не сможет быть проведен на высоком идейно-теоретическом уровне и не послужит защите принципов социалистического реализма». (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 48. Л. 16–24).

¹²⁰² Конструкция «приходят и уходят» была введена И.В. Сталиным и неоднократно им использовалась (например, 29 октября 1937 г. на приеме руководителей промышленности в Кремле он провозгласил: «Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ бессмертен»).

¹²⁰³ Скульптор Е.В. Вучетич в своем выступлении возмутился: «Критик Костин на заседании Министерства культуры СССР в присутствии тов. Молотова предложил освободить наше искусство от руководства государством и партией. <...> Нас удивляет, что партийная организация МОССХ, да и правление МОССХ не удосужились до сих пор обсудить антипартийную вылазку Костина. Спрашивается, как же могло случиться, что за последние годы в Московском союзе создалась такая нездоровая обстановка? Как могло случиться, что в столичном коллективе, который состоит из здоровых прекрасных художников, была попытка отстранить партию от руководства искусством?» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 47. Л. 107).

¹²⁰⁴ После XX съезда, доклада Н.С. Хрущева на его закрытом заседании, постановления ЦК КПСС О преодолении культа личности и его последствий, принятого 30 июня 1956 г., начавшейся реабилитации жертв сталинских репрессий, процесс десталинизации в советском обществе (а также в странах народной демократии) стал развиваться стремительно и непредсказуемо. В то время многие, прежде всего, интеллигенция, впервые ощутили возможность открыто высказываться. На партийных, профсоюзных собраниях, собраниях трудовых коллективов в 1956 г. звучала конкретная критика, произносились оценки и мнения, которых в стране не слышали уже многие десятилетия и которые в представлении высокого партийного руководства были недопустимы и являлись, по их мнению, «антисоветскими вылазками». Пределы вольномыслия были определены достаточно быстро, а рамки для него найдены весьма жесткие (в ход был пущен не только партийный контроль, но и задействованы органы государственной безопасности). 19 декабря 1956 г. ЦК КПСС направил в партийные организации закрытое письмо ко всем членам партии, озаглавленное «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В нем прямо говорилось о беспощадной борьбе с «антисоветскими элементами и вражеским охвостом», а среди тех, кто наиболее подвержен проiscaм врага, назывались творческая интеллигенция и студенчество. Письмо знаменовало начало постепенного торможения оттепели. Как следствие, документы ЦК КПСС

Стремление оторвать искусство от государства доходит до крайностей. Недавно в Москве, в Министерстве культуры СССР состоялось заседание выставочного комитета Всесоюзной художественной выставки, посвященной 40 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции¹²⁰⁵. Там присутствовал министр культуры СССР, его заместители, сотрудники аппарата Центрального Комитета партии, 70 крупнейших художников, являющихся членами выставочного комитета. Выставочный комитет принял важное решение, в котором призвал художников как зеницу ока беречь принципы социалистического реализма.

Ленинградский живописец Ярослав Николаев, участник этого заседания, уклонился от обсуждения этого важного решения, не поставил под ним своей подписи, а на дискуссии в Союзе ленинградских художников он заявил: "Нам было тяжело, не по себе присутствовать на заседании выставочного комитета". Почему же, спрашивается? Может быть, потому, что рядом с нами в одном зале находились солидные серьезные товарищи, которые не являются выразителями интересов художников, не являются выборными, не пользуются любовью и доверием, а являются назначенными.

Такова необудительная тревога Николаева. Достаточно быть назначенным партией и государством работником, чтобы быть им непризнанным. Разве подобное выступление не направлено, в конечном счете, на подрыв авторитета государственного и партийного руководства искусством? Нельзя допускать, чтобы под флагом борьбы с администрированием в искусстве, с мелочной опекой, с грубым вмешательством в художественную пропаганду подрывался авторитет партийных и государственных органов.

Надо предупредить, что там, где пытаются оторвать партийное и государственное руководство советским искусством, там приоткрываются двери для враждебного руководства искусством. Устранение государственного и партийного руководства, дискредитация руководства и его представителей, оказывается, нужны для свободы творчества с чисто буржуазных позиций. Нужна, оказывается, полная свобода человека высказывать то, что ему приходит в голову. Без этого, видите ли, нельзя служить народу, без этого у художника подрезаны крылья, надо художнику предоставить право без жюри представлять все свои работы, даже если они вредные. Недавно художник Сидоров в Ленинградском собрании художников так и заявил: "Нам необходима свобода, чтобы выражать

1957–1958 гг., посвященные вопросам культуры, носят главным образом охранительный характер. В них постоянно встречаются фразы о существующих в среде творческой интеллигенции «*неправильных настроениях и нездоровой атмосфере*», «*политически ошибочных выступлениях*», «*серьезных идеологических ошибках и недостатках*» и т.п.

¹²⁰⁵ Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции проходила в Москве с 5 ноября 1957 г. по 16 марта 1958 г. и была организована с большим размахом в Центральном выставочном зале (Манеж) и ряде филиалов. Экспонировалось около 8 тыс. произведений живописи, графики, скульптуры, плаката, прикладного искусства. Выставку посетило по официальным данным более 1 миллиона человек.

интересы народа, чтобы служить ему, но для этого нужна творческая свобода, а не свобода для мелкого прислужничества. Ленинградские художники за свободу художественных группировок".

Итак, Сидорову не хватает свободы, чтобы работать на благо народа. Но какой же правдивый художник может пожаловаться, что ему в советской стране не дают условий для работы? Социалистический реализм открывает широкий простор для служения народу, для развития талантов и индивидуальностей художников. Это ясно всякому, но Сидорову мало этих просторов, он, видимо, сочтет возможным служить народу тогда, когда все течения, все группировки, в том числе и враждебные, антиреалистические, получат полную свободу, ибо все остальные течения основаны на социалистической идеологии.

Надо сказать, что полной свободы, прежде всего, формалистических течений у нас добиваются под всякими благовидными предлогами. На собрании ленинградских художников искусствовед Изергина¹²⁰⁶ требовала широкого показа в наших музеях произведений, как она говорила, "замечательных, великих" художников: Кандинского, Малевича, ..., известных своей крайней формалистической профанацией искусства.

За таким пониманием свободы искусства скрывается стремление открыть широкий простор в нашей стране буржуазной идеологии. Понятие реализма и социалистического реализма для отдельных товарищей в последнее время стало каким-то неясным и сомнительным. Удивительное дело, в то время, когда для всего советского народа и для массы художников стали ясны преимущества социалистического реализма, со стороны отдельных видных представителей нашей художественной интеллигенции раздаются голоса: неясно, что такое реализм, не есть ли это субъективное понятие. Миллионы зрителей, простых рабочих, крестьян, служащих прекрасно понимают, что реализм означает глубокое правдивое открытие в искусстве жизни, а наши отдельные крупные искусствоведы, которым, казалось бы, лучше других нужно знать, что такое реализм, заявляют, что до сих пор никто не дал исчерпывающего определения реализма, и каждый вкладывает в него собственное понимание. Некоторые не видят разницы между реализмом и импрессионизмом.

¹²⁰⁶ Сферой научных интересов А.Н. Изергиной было искусство Германии XVII–XIX вв. и искусство Франции XIX–XX вв. В конце 1950-х и в 1960-е гг. её работы были посвящены главным образом изучению французской живописи (импрессионисты, Ж. Энгр, А. Матисс). Своими выступлениями, статьями, книгами она, среди прочего, стремилась приблизить неподготовленного советского читателя к восприятию трудного для него, непривычного и загадочного современного искусства Западной Европы, за что неоднократно подвергалась серьезной официальной критике. Так, например, в статье под названием *Дезориентация читателя* в газете *Советская культура* от 16 июля 1962 г. критиковалось предисловие А.Н. Изергиной к выпущенной под её редакцией монографии *Постимпрессионизм* Дж. Ревалда (в 1960 г. она же подготовила и *Историю импрессионизма* этого американского ученого). В статье указывалось, что А.И. Изергина не заняла «последовательно критической позиции по отношению к концепциям и методологии буржуазного американского искусствоведа. <...> По существу вслед за ним утверждает, что этап постимпрессионизма знаменует поступательное движение в развитии искусства». (Об А.Н. Изергиной см. также именной комментарий).

Но в этом заявлении еще полбеда: у некоторых могут быть сомнения и неясности. Гораздо хуже, когда некоторые деятели вообще сомневаются в существовании реализма. Художник Басков на дискуссии в Ленинграде сказал, что понятие социалистического реализма относится не столько к прошлому и настоящему, сколько к будущему искусству. Старая русская поговорка очень метко определяет усилия и старания подобных скептиков: наводить тень на ясный день.

Партия всегда вела борьбу с формализмом и натурализмом в искусстве. Но эта правильная четкая линия борьбы в искусстве на два фронта всё время ревизуется некоторыми критиками. Они, путаясь и путая других, утверждают, что существует только одна опасность – натурализм, а формализм и эстетство перестали быть опасностью. Между тем среди некоторой части наших художников распространились эстетско-формалистические настроения. Это заметно и в печати, и на выставке. Каким-то ореолом обожания окружается у нас выставка с декадентскими произведениями. Под флагом борьбы с проявлениями культуры личности и заботы о повышении мастерства некоторые отдельные товарищи пытаются притупить у художников вкус к художественной тематике в искусстве.

Вместе с тем, идет восхваление бездушного, безыдейного этюдизма. Эстетско-формалистическая опасность сейчас серьезно возросла в нашем искусстве, что не устраняет необходимость продолжения борьбы и с натурализмом, и фотографизмом.

Ясно, что в данных условиях приуменьшение этой эстетской опасности может принести большой вред. Часть художников, особенно пылкая и увлекающаяся молодежь, под влиянием эстетских настроений может быть направлена на неправильный путь; и в этих условиях наши товарищи ставят вопрос часто неправильно.

Вот, недавно, на той же ленинградской дискуссии доцент-искусствовед Каган сказал: "Я думаю, что сегодня не формализм наш главный враг, и нужно перестать размахивать этим пугалом". Больше того, Каган объявил борьбу с эстетско-формалистической опасностью просто политически ошибочной. Между тем нам известно, как заостряется внимание борьбы с этой опасностью в известных исторических решениях Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам, которые сохраняют свое значение и по сейчас.

Распространение эстетско-формалистических настроений среди части художников сопровождается всемерной идеализацией той поры, когда имело широкое распространение формалистическое течение, именуемое "золотым веком". Советское искусство признается со времени, когда победил социалистический реализм, и были созданы лучшие произведения 20-х и начала 30-х годов.

Упомянувшийся Панкратов заявил ленинградским художникам: "В 20-х годах действительно рождалось настоящее, ощущающее свое творчество советское искусство... пока оно не подверглось бюрократизму".

Какой вывод напрашивается? Надо идти назад к 20-м годам, отбросить все достижения последних 36 лет. Вот до какого абсурда можно договориться. Сейчас некоторые деятели усиленно переоценивают историю советского искусства, всячески поддерживают формалистические группировки. Известно, каким оскорбительным выводам подвергается имя и творческое наследие Бродского, имеющего неизмеримые заслуги в развитии советского искусства, социалистического реализма. Целые эпохи в развитии советского реализма зачеркиваются, их не знают.

Некоторые договариваются до того, что искусство плаката потеряло свое значение. Недавно один из товарищей сказал, что плакат перестал иметь реальное политическое значение. <...>

РГАНИ. Ф. 5 (Р-5832). Оп. 36. Д. 47. Л. 46-56.